

лю. Что действительно заслуживает анализа, так это вопрос о том, зачем создавался этот кодекс? Какую цель преследовали его авторы? Чем обусловлена необходимость бюрократической институционализации морали? Но, боюсь, что это останется для нас тайною.

Щукин Д. А.: Можно маленький комментарий: это ситуация, когда у нас дискурс пишет сам себя, субъекта, который писал, по сути, нет, он порождается самим собой, сам текст порождает.

Гусев Д. А.: Не то что дискурс пишет сам себя, понятно, он еще и нас в итоге пишет. К сожалению, все заканчивается этим. Поэтому мы здесь и сидим, потому что нам не все равно.

Перов В. Ю.: Кто хочет еще высказаться? Хорошо, всем спасибо. И хочу выразить надежду, что высказанные замечания обретут форму какого-то документа (например, рецензии), положения которого будут учтены при принятии кодекса.

Этический анализ

«Концепция Кодекса профессиональной этики образовательного сообщества»*

Перов В. Ю.

Постановлением Совета Российского Союза Ректоров от 25.06.2012 № 3 (далее — «Постановление») была принята и предложена для широкого обсуждения концепция кодекса профессиональной этики образовательного сообщества (далее — «Проект кодекса»).

Проведенный анализ «Проекта кодекса» дает основание признать его полную неудовлетворительность, в силу:

а) терминологической и стилистической безграмотности;

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ (Проект № 12-03-00505).

б) этической несостоятельности (как с теоретической, так и с практической точек зрения) предлагаемой «этической доктрины», которая составляет суть данного документа. В равной мере это относится и к большинству связанных с ней этических нормативных предписаний;

в) несоответствия и даже противоречия существенных положений «*Проекта кодекса*» ряду международных этических документов, регулирующих отношения в сфере науки и высшего образования (в частности, «*Великой Хартии европейских университетов (1988)*» (далее — «*Хартия*» подписанной представителями ряда ведущих университетов Российской Федерации, в том числе МГУ и СПбГУ; «*Бухарестской Декларации по этическим ценностям и принципам высшего образования в европейском регионе (2004)*» (далее — «*Бухарестская Декларация*»), подписанной представителями Российской Федерации);

г) несоответствия существенных положений «*Проекта кодекса*» «букве и духу» как действующего российского законодательства в сфере образования, так и проекту «*Закона об образовании в Российской Федерации*» (далее — «*Проект Закона об образовании*»). Последний, хотя и не является действующим юридическим документом, тем не менее очень важен для формирования предполагаемых этических норм образовательного сообщества, на что указывается и в «*Постановлении*»:

«Согласование концепций проекта федерального закона об образовании в Российской Федерации и кодекса профессиональной этики образовательного сообщества станет основой сбалансированного управления образовательным процессом».

Сформулированные утверждения могут быть подтверждены следующим анализом положений «*Проекта кодекса*». Авторы (составители) «*Проекта кодекса*», судя по всему, имеют довольно «смутное» представление об используемой ими терминологии, в том числе, этической:

1) одни и те же понятия и положения представлены в разных терминологических, а следовательно, смысловых значениях. Так, например, «единство образовательного пространства» сначала сформулировано как *этический принцип* (ст. 5), затем, в ходе его характеристики, «превращается» в *фактор* (п. 5.1), после чего трактуется как *норма* (там же). Следует отметить, что различение этических принципов и нормам имеет очень важное значение, особенно в сфере прикладных и профессиональных этик, и может быть

отнесено к *хрестоматийным* положениям современного этического знания. В «Проекте кодекса» четыре (!) из шести этических принципов «превращаются» в нормы (пп. 5.1, 5.4, 5.5, 5.6). Это тем более удивительно, что ст. 6 называется «Этические нормы вузовской корпорации». Следовательно, можно сделать вывод о том, что авторы (составители) просто не знают разницы между факторами, принципами и нормами (особенно между последними) и используют их не в терминологическом и смысловом значении, а «как придется»;

2) пренебрежение к терминологической аккуратности приводит к тому, что некоторые существенные положения оказываются не только неправильными, но и просто абсурдными.

Примеры:

ст. 1: «...общие усилия которых направлены на выполнение миссии образовательного сообщества и рост ее авторитета в обществе».

При этом остается совершенно непонятным, каким образом можно обеспечить *рост авторитета миссии*? Наверное, авторы (составители) не знают о значении понятия «миссия» в сфере профессиональной этики;

ст. 5: «Этические принципы описывают безусловные свойства процессов жизнедеятельности учебных заведений...»

Судя по этому положению, авторам (составителям) неизвестно, что *принципы* обладают нормативно-регулятивной функцией, а значит, нечто *предписывают*, а не *описывают*.

И подобного рода примеры могут быть продолжены (см. ниже)

3) еще более важной при формировании документов, регулирующих профессиональную этику, является терминологическая корректность в отношении определения «субъектов» этических кодексов. Дело в том, что если общепринятые моральные нормы, ценности и требования адресованы («по умолчанию») ко всем людям, то положения профессиональных этик (что понятно из самого названия) адресованы к тем, кто непосредственно задействован в соответствующей профессиональной сфере. В рассматриваемом «Проекте кодекса» в вопросе субъектов (адресатов) существует огромная путаница.

Ст. 1 «Проекта кодекса» фиксирует следующих субъектов:

«Настоящий кодекс описывает этические установки жизнедеятельности коллективов образовательных организаций Российской Федерации в лице учебного, научного, вспомогательного и административного персонала и обучающихся».

Подобное положение не вызывало бы замечаний и нареканий, но: *во-первых*, в «Проекте кодекса» упоминаются и другие субъекты: «академическая корпорации» (ст. 1), «образовательная корпорации» (ст. 2, ст. 5, п. 6.3), «вузовская корпорация» (ст. 4), «корпорации образовательных организаций» (п. 5.2, 6.2), «образовательная организация и уникальные черты ее корпорации» (п. 5.3), «научно-образовательная корпорация» (п. 5.6). Но это означает, что наряду с перечисленными выше *индивидуальными* субъектами профессиональной этики появляются и *коллективные* субъекты, но это никак не оговаривается, что свидетельствует о том, что авторы (составители) не имеют представления об имеющихся в данном случае принципиальных различиях. Более того, они не понимают разницы, существенной в этическом контексте, между значениями понятия «корпорация» (корпоративностью), т. е.:

а) профессиональными сообществами (корпорация ученых, преподавателей, студентов и т. д.);

б) сообществами организаций (корпорация вузов, образовательных учреждений и т. д.);

в) собственно организаций (вуз как корпорация).

Даже с точки зрения названий, присутствующих в оглавлении «Проекта кодекса», его субъектность («чей кодекс?») оказывается под вопросом: в его названии упоминается «профессиональная этика образовательного сообщества», в то время как статьи носят следующие названия: «Ценности вузовской корпорации» (ст. 4), «Принципы вузовской корпорации» (ст. 5), «Нормы вузовской корпорации» (ст. 6). В каком смысле понимается в данных названиях «вузовская корпорация», если в тексте этих статей понятие «корпорация» используется во всех вышеупомянутых значениях, и особенности употребления не всегда можно достаточно уверенно определить из контекста, что является важным, поскольку речь идет о нормативных положениях, имеющих «предписывающий характер» (ст. 3), т. е. подлежащих исполнению?

Примеры:

п. 6.3 «...понимает академическую реализацию личности представителей образовательного сообщества как основу идентичности корпорации и научно-педагогических школ образовательной организации».

Об идентичности с какой «корпорацией» идет речь в данном случае? Образовательного сообщества? Образовательной организа-

ции? Или? Не говоря уже о том, как «*академическая реализация личности*» может быть «*основой идентичности корпорации*»? Последнее замечание является дополнением к предыдущим примерам о терминологической и стилистической безграмотности авторов (составителей);

п. 4.3: «Академическая свобода личности». В данном пункте речь идет о регулировании вопросов академической свободы «коллегиальными решениями корпорации».

Что понимается под той корпорацией, которая принимает решения? Решения (т. е. нечто, подлежащее исполнению) какой корпорации? Корпорации (сообществ, ассоциаций, союзов и т. д.) ученых? преподавателей? вузов? Или речь идет о образовательном учреждении как корпорации? Возможно, что речь идет об «институте третейского (товарищеского) суда» (п. 5.1)? Из сформулированного положения ответы на эти вопросы получить невозможно.

Во-вторых, если обратиться к положениям «*Проекта кодекса*» с учетом тех субъектов, которые перечислены в ст. 1 (учебный, научный, вспомогательный и административный персонал и обучающиеся), то обнаруживается, что почти все нормативные положения обращены к «учебному и научному персоналу» (преподавателям и ученым). В «*Проекте кодекса*» нет ни одного пункта, который был бы адресован «вспомогательному персоналу», обучающиеся выступают только как лица, в отношении которых направлена соответствующая научно-образовательная деятельность, т. е. нет положений, которые бы предписывали им этические правила поведения. Администрации образовательных учреждений адресована единственная норма:

п. 5.1. «Механизмом разрешения конфликтов должен стать институт третейского (товарищеского) суда, решения которого должны учитываться администрацией в управлении образовательной организацией».

Сразу хочется спросить: а другие (преподаватели, научные сотрудники, студенты и т. д.) не должны учитывать решения «третейского (товарищеского) суда № ?

Результатом такого пренебрежения к различению субъектов образовательного сообщества оказывается то, что в «*Проекте кодекса*»:

а) оказываются неотрегулированными способы решения возникающих этических проблем между субъектами образовательного

сообщества. Если отношения преподаватель/ студент хоть как-то затронуты, то отношения студент/ преподаватель, преподаватель/ администрация, преподаватель/ вспомогательный персонал и т. д. не затронуты вообще, что значительно обедняет содержание данного документа. И вряд ли здесь может существенно помочь формулировка в ст. 3 о том, что «его [кодекса] положения... могут быть детализированы в корпоративных этических кодексах образовательных организаций», поскольку, если речь пойдет именно о «конкретизации», то имеющиеся в «*Проекте кодекса*» несуразности станут еще более очевидными, а если создавать грамотные формулировки, то они будут ему противоречить;

б) некоторые нормативные положения оказываются в «странных» местах текста, что вызывает вопросы. Например, почему положение:

«Данная норма предполагает обязанность представителей образовательного сообщества к ведению научно-практической деятельности с участием в ней представителей других академических поколений» попало в пункт 5.5 — «Паритетность обучения и воспитания», а не в пункт 5.3 — «Преемственность образовательной практики», где оно более уместно в соответствии с названием? И кто отвечает за соблюдение этой нормы: сами преподаватели? администрация вузов? обучающиеся? кто-то еще? (подобные вопросы могут быть адресованы к значительному числу положений «*Проекта кодекса*»);

в) наличие нормативных положений, адресованных неизвестно кому. В качестве примера можно привести очень непонятную в этическом отношении норму:

п. 5.2: «Данная норма предполагает обязанность представителей образовательного сообщества к организации и участию в регулярных мероприятиях, направленных на развитие академической мобильности, прежде всего, в дотационные регионы...» (принцип «Единство образовательного пространства»).

К кому она обращена? Кого обязывают организовывать эти мероприятия? Преподавателей? Обучающихся? Почему дотационные регионы? Эта норма (по крайней мере, в части «организации») может быть (предположительно, но об этом можно только догадываться) отнесена к вопросам, находящимся в ведении органов государственной власти, и в этом смысле представители образовательного сообщества могут только принимать участие в их решении, но

это не может быть им вменено ни в качестве собственно профессиональных, ни в качестве этических обязанностей;

г) некоторые нормативные положения оказываются этически корректными в отношении одних субъектов образовательного общества, но сомнительными в отношении других.

Пример:

п. 5.4: «Данная норма обязывает представителей образовательного сообщества к организации сбалансированной научно-образовательной деятельности таким образом, чтобы компонента обучения играла дополняющую роль по отношению к научно-практической (творческой) деятельности». (Принцип «Интеграции образования и науки»).

С одной стороны, речь идет о сбалансированности науки и образования, с другой — приоритет явным образом отдается научной деятельности. Но если для научных работников эта норма этически приемлема, то почему педагогические работники (даже если они занимаются и научной деятельностью) должны отдавать приоритет науке, а не педагогическому процессу? Тем более, что речь идет о профессиональной этике образовательного (!) сообщества. В центре внимания оказывается именно вопрос о приоритетах, а не о той важной роли, которую играет наука в образовании. Существенным является то обстоятельство, что даже в условиях необходимости интеграции научно-исследовательской и образовательной деятельности это *разные* (!) виды деятельности, обладающие собственной спецификой, структурой, целями, задачами и интересами, которые сказываются и на особенностях их профессиональных этик (хотя бы потому, что ученый и педагог — *разные* (!) профессии, интересы которых могут находиться и в конфликтах друг с другом). В данном случае, авторы (составители) опять «свалили все в кучу», поэтому возможные этические конфликты и способы их разрешения остались за пределами их внимания.

В качестве примера того, как в рамках одного этического документа могут быть учтены указанные различия в профессиональных субъектах образовательной деятельности, можно упомянуть указанную выше «*Бухарестскую Декларацию*», в которой нормативные этические положения распределены по разделам, соответствующим видам деятельности: «Академический этос, культура и общество», «Высокие моральные принципы в процессах преподавания и обучения», «Демократия и этика в руководстве и управлении», «Академи-

ческая добросовестность и социальная ответственность научных исследований». Но, наверное, для авторов (составителей) этот документ остался неизвестным.

Строго говоря, указанные выше замечания уже могут свидетельствовать о низком качестве рассматриваемого «*Проекта кодекса*», но в полной мере некомпетентность, непрофессионализм и некомпетентность в вопросах профессиональной этики образовательного сообщества авторы (составители) продемонстрировали при формулировании «этической доктрины» и следующих из нее нормативных этических положений. Оставляя за пределами данного анализа вопросы соответствия содержания «этической доктрины» достижениям современных теоретических и прикладных исследований в области академической (научной и образовательной) этики (говоря кратко — категорически не соответствуют), предлагаемые рассуждения касаются их нормативной этической состоятельности.

Суть «этической доктрины» изложена в «*Проекте кодекса*» следующим образом:

Ст. 4. «Ценности вузовской корпорации.

Настоящим кодексом констатируются базовые ценности вузовской корпорации, которые определяют характер ее этической доктрины. Такими ценностями являются:

1. Знание.
2. Служение.
3. Академическая свобода личности».

Изложенные ценности дополняются перечнем «*Этических принципов вузовской корпорации*» (ст. 5) и «*Этических норм вузовской корпорации*» (ст. 6). Учитывая, что согласно «*Проекту кодекса*» этические нормы формулируются на «опираясь на... ценность в преломлении вышеозначенных принципов» (пп. 6.1; 6.2; 6.3), т. е. по сути дела являются «производными», то имеет смысл остановиться только на ценностях и принципах как основных положениях «этической доктрины».

Этические принципы представлены следующим перечнем (ст. 5):

«Таковыми принципами являются:

1. Ответственность.
2. Единство образовательного пространства.
3. Преемственность вузовской практики.

4. Интеграция образования и науки.
5. Паритетность обучения и воспитания.
6. Открытость обществу».

1) С формальной точки зрения предложенный перечень ценностей и принципов свидетельствует о том, что авторы (составители) не видят разницы между ценностями образовательной деятельности и этическими ценностями образовательного сообщества. Первые выражают то, что является *значимым* для осуществления профессиональной деятельности, но это не означает, что их можно считать *этически значимыми*. Существуют разные ценности и принципы: социальные, политические, культурные, семейные, профессиональные и т. д. Наряду с ними (иногда и пересекаясь) существуют и этические, но они далеко не всегда тождественны друг другу. В связи с этим, следует задаться вопросом, является ли принцип «Единство образовательного пространства» именно *этическим*? А принцип «Интеграции науки и образования»? В чем состоит его этическое значение? То, что оба указанных принципа имеют важное, более того, существенное значение для современного образования, вряд ли можно подвергнуть сомнению, но от этого они не превращаются в *этические принципы*. Примером следствий из путаницы подобного рода может быть положение «*Проекта кодекса*»:

«Данная норма обязывает представителей образовательного сообщества осуществлять научно-образовательную деятельность по образовательным программам, согласованным с учредителями образовательного учреждения и ассоциациями работодателей» (п. 5.6).

Данная норма может быть отнесена к профессиональным, а не к собственно этическим обязанностям (если не считать, что к этическим обязанностям относится «добросовестное выполнение профессиональных обязанностей», но в таком случае этим положением этический кодекс и может быть исчерпан).

Для сравнения имеет смысл привести перечень идеалов, ценностей и принципов, изложенных в «*Бухарестской Декларации*» (следует при этом отметить, что в ней этот перечень не представлен в структурированном виде). Тем не менее, можно выделить:

— «общие»: уважение достоинства человека и его физической и психической неприкосновенности, принципы обучения в течение всей жизни, развитие знаний и совершенствование качества, доступность образования, участие в общественных действиях, активная гражданская позиция, недискриминация;

— «моральные»: честность, доверие, справедливость, уважение, добросовестность, ответственность;

— их конкретизация по «профессиональным субъектам» в соответствии с разделами (см. выше).

Даже простое перечисление показывает, во-первых, насколько эти перечни отличаются друг от друга, что, как минимум, нуждается в объяснении, поскольку, подписав «*Бухарестскую Декларацию*», представители руководства российским образованием тем самым признали сформулированные в ней идеалы, ценности и нормы, во-вторых, большинство предложенных в «*Проекте кодекса*» ценностей и принципов, строго говоря, не являются *этическими*, что вызывает сомнения в компетентности авторов (составителей) и затрудняет его признание в качестве этического документа.

2) Еще большие недоумения вызывают формулировки «*Проекта кодекса*», раскрывающие указанные ценности и нормы. Их содержание настолько безграмотно, противоречит существующим юридическим и этическим документам, что даже затрудняет их анализ. В связи с чем их рассмотрение будет представлено в предельно тезисном и схематичном виде, с акцентом на наиболее существенных моментах.

В качестве отправного и, возможно, наиболее показательного примера, имеет смысл рассмотреть «принцип ответственности» (тот редкий случай, когда представленный принцип действительно является этическим). В «*Проекте кодекса*» представлена следующая формулировка:

п. 5.1. «**Ответственность.** Высшее образование является сферой, которая подчинена интересам широкого круга государственных институций, социальных и корпоративных групп. Представители образовательного сообщества ответственны за то, чтобы их деятельность отвечала интересам власти, работодателей, широких слоев населения, а также была подчинена выполнению общенациональных задач в интеллектуальной, экономико-технологической, социальной и культурной областях».

Комментируя это положение, следует отметить имеющуюся стилистическую небрежность: «... *ответственны (!)* за то, чтобы их деятельность *отвечала (!)*...». Очень глубокомысленно! Сведение ответственности к «подчинению» свидетельствует о полном отсутствии у авторов (составителей) хотя бы приблизительного знакомства с многочисленными теориями и практиками в области совре-

менной этики ответственности, а также нормативными этическими документами, в большинстве которых сформулированы нормативные положения этики профессиональной ответственности. Это тем более странно, что проблема ответственности является одной из центральных в современной этике науки. Но авторам (составителям) все это неведомо, в результате получилось определение, которое не выдерживает никакой критики. Его несостоятельность особенно видна в сравнении с содержательным определением ценности «Служение»:

п. 4.2. «**Служение.** Образовательная и научная деятельность представителей образовательного сообщества всецело подчинена пользе российского общества, направлена на обеспечение интеллектуального, кадрового и культурного развития страны, является фактором обеспечения национальной безопасности и интересов государства».

Содержательно никакой существенной разницы между определениями ценности *служения* и принципа *ответственности* не видно, но авторов (составителей) это не смущает.

Кроме того, идея *подчиненности* образования образовательного сообщества и его представителей является лейтмотивом рассматриваемого «Проекта кодекса». Причем, они должны подчиняться: интересам широкого круга 1) государственных институций, 2) социальных групп, 3) корпоративных групп (а о каких корпоративных группах в данных случаях идет речь? Еще одно добавление к указанному выше списку «корпораций»), 4) интересам власти (а это уже что-то отличное от «государственных институций?»), 5) работодателей (в п. 5.6 появляются еще и «ассоциации работодателей»), 6) широких слоев населения; выполнению общенациональных задач в 7) интеллектуальной, 8) экономикотехнологической, 9) социальной и 10) культурной областях (п. 5.1). Так же «понимает базовым целеполаганием [выделено мной — В. П.] своей профессиональной деятельности следование интересам работодателей (уже упоминалось, но теперь они на первом месте, более того, непонятно, кто в данном случае понимается под работодателями: руководство (администрация) вузов, где работают представители образовательного сообщества, и которые являются их юридическими работодателями, или кто-то еще?), широких слоев населения (уже было) и государства» (п. 6.2) (а государство это что-то отличное от «государственных институций» и

«власти»?) При этом интересы обучающихся упоминаются всего один раз, и то в общем списке вышеуказанных «институций»:

п. 5.6. «Открытость обществу. Высокая государственная и социальная миссия образования определяет важную роль, которую играют образовательные организации в жизни российских граждан и обеспечении конкурентоспособности страны. Это дает основание обществу соучаствовать в развитии образования в форме диалога с научно-образовательной корпорацией, которая открыто реализует свою академическую политику, сбалансированно следуя интересам учащихся и их законных представителей, преподавателей, работодателей и учредителей образовательного учреждения».

Практически полное отсутствие в «*Проекте кодекса*» «интересов обучающихся», по меньшей мере, странно, поскольку не соответствует действующему российскому законодательству и «*Проекту Закона об образовании*».

Выдержки из действующего закона «Об образовании»:

«Под образованием в настоящем законе понимается целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства».

Интересы человека на первом месте!

«Ст. 2. Принципы государственной политики в области образования и государственная политика в области образования основываются на следующих принципах:

1) гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности, воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье».

Ни один из этих принципов, ценностей и терминов даже не упоминается (!) в «*Проекте кодекса*».

«*Проект Закона об образовании*»:

«Ст. 1 п. 1) образование — общественно значимое благо, под которым понимается единый целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, семьи, общества, государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого и физического развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов».

Опять же *интересы человека* на первом месте. Более того, определение образования как «общественно значимого блага» означает то, что ценность (значимость) образования несводима к тем социально-значимым функциям, которыми оно обладает, что образование в «*Проекте Закона об образовании*» понимается именно как самостоятельная ценность, а не с точки зрения его «служения» и «подчинения», «выполнения социально-значимых задач» и т. д., иными словами, не в пруденциально-расчетливом понимании «блага».

В этом контексте показательна сформулированное в «*Проекте Закона об образовании*» определение «конфликта интересов» (понятие, которое традиционно считается одним из ключевых в профессиональных этических кодексах и отсутствующее в настоящем «*Проекте кодекса*»):

«Ст. 1 п. 35) конфликт интересов педагогического работника — ситуация, при которой у педагогического работника при осуществлении им профессиональной деятельности возникает личная заинтересованность в получении материальной выгоды или иного преимущества, которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им профессиональных обязанностей вследствие противоречия между личной заинтересованностью педагогического работника и интересами обучающегося».

В данном случае понятно, какие предлагаются приоритеты: надлежащее исполнение профессиональных обязанностей в целях интересов обучающегося. А что является приоритетом в условиях конфликта интересов согласно «*Проекту кодекса*»? Служение или подчинение интересам работодателей? корпоративных групп? власти? Как было показано выше, ответов слишком много, чтобы определиться, какой из них правильный.

Кроме того, положения «этической доктрины» «*Проекта кодекса*» прямо противоречат «Великой Хартии европейских университетов» и «Бухарестской Декларации».

«*Хартия*»:

«Фундаментальные принципы. Чтобы адекватно реагировать на нужды современного мира, он [университет] должен иметь моральную и интеллектуальную независимость по отношению к любой политической и экономической власти...»

Моральная и интеллектуальная независимость, а не служение и подчинение!

«Бухарестская декларация»:

«Воплощение в жизнь вышеназванных ценностей и принципов означает принятие ряда адекватных и эффективных мер, направленных на то, чтобы:

— обеспечить баланс между функцией высшего образования как общественного блага и коммерциализацией его услуг, сохраняя при этом фундаментальные академические ценности и дух...»

Приоритет отдается не «коммерциализации» (при этом в тексте «Бухарестской Декларации» не отрицается, а всемерно подчеркивается значимость высшего образования для развития экономики и решения социально-политических задач), а фундаментальным академическим ценностям (см. выше).

Следует отметить, что еще довольно много положений «Проекта кодекса», которые вызывают сомнения и могут стать предметом обсуждений, но сказанного достаточно, чтобы сформулировать основной вывод.

Вывод: предложенная «Концепция Кодекса профессиональной этики образовательного сообщества» является содержательно и терминологически невыдержанной, этически несостоятельной, грубо противоречащей в своих существенных положениях этическим ценностям, нормам и принципам научного и образовательного сообществ, в том числе и сформулированным в ряде международных этических документов в сфере высшего образования, предложенная «этическая доктрина» не согласуется с действующим российским законодательством в сфере образования.

Указанные недостатки перевешивают незначительные достоинства указанного документа, в связи с чем он не может быть улучшен путем исправлений и редакторской правки, а должен быть создан заново. Его принятие (даже в исправленном и скорректированном виде) нанесет серьезный ущерб российскому высшему образованию, его престижу и авторитету.